

Сиротки
Сиротки. Отцеубийцы

Мария
Вой

ШИРОТКИ

МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В65

Иллюстрации в тексте,
на форзацах и на обложке *Марии Вой*

Издание подготовлено при участии
бюро «Литагенты существуют»

Вой, Мария.
В65 Сиротки : иллюстрации автора / Мария Вой. —
Москва : Эксмо, 2022. — 416 с. : ил.

ISBN 978-5-04-163792-7

В королевстве, охваченном гражданской войной, нет оружия желаннее, чем магия. Последний королевский маг погибает при странных обстоятельствах, но успевает распорядиться Даром: оставляет его простой девушке Шарке.

Король, лишенный Дара и его мощи, и повстанцы, которые не прочь иметь такое оружие при себе, начинают охоту за новоиспеченной ведьмой. В ход идет все: и грубая сила, и хитроумная ложь.

Судьба всего королевства находится в руках безграмотной простолюдинки, которая для других всегда была лишь бессловесной вещью. А самой Шарке, впутанной в планы мага, приходится бороться за свою свободу и жизнь.

Какую сторону выберет Шарка? Откроется ли ей план мага, последует она ему — или наконец расслышит за чужими голосами свой собственный?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-163792-7

© Мария Вой, текст, 2022
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2022

I СВОРТЕК

ыметайтесь отсюда, пьянь позорная! Трактирщику Дивочаку и его скромному «Хмельному Кабанчику» еще не доводилось принимать такого высокого гостя.

Он появился один, без стражи и друзей. В тени глубоко надвинутого капюшона было не разглядеть лица — лишь выступал на свет кривой нос и спадали на воротник длинные черные пряди. Но по манере речи и дороговизне платья Дивочак сразу понял: таких людей его трактир еще не видывал.

Гостя усадили за самый чистый стол вдали от остальных, чтобы голоса и запахи гуляк не нарушали его покой. Две девки-подавальщицы, понявшие по лицу Дивочака, что все серьезно, понеслись обслуживать прибывшего. Дивочак с тревогой и ненавистью осматривал свои владения — никогда еще они не казались ему такими убогими и грязными, — а затем, извинившись перед гостем, кинулся к завсегдатаям:

— Выметайтесь отсюда, пьянь позорная! И вы, — шикнул он на музыкантов, которые скрипели веселую песенку на тридцать три куплета, — заткнитесь! Или сыграйте что-нибудь приличное! Все вон!

— Чак, ты че, совсем с ума спятил? — возмутились гости. — Это же наш «Кабанчик»! Это же «Сага о великих портках», твоя любимая! Да что с тобой, старина?

Дивочак закатил глаза.

— Хозяин, — раздался голос из дальнего угла. Незнакомец говорил негромко, но вес его голоса заглушал и музыку, и трактирный шум.

Он снял капюшон. Взгляд черных глаз, ярких на болезненно-бледном лице, так и впился в трактирщика.

— Не гони людей. Я не хочу есть в одиночестве. И музыка у вас тут неплохая.

Повисла тяжелая тишина: все до единого взгляды прилипли к его лицу, одному из самых знаменитых в королевстве и за его пределами. Наконец-то до остальных дошло, отчего так разнервничался Дивочак.

— Забудь обо мне, хозяин. Я такой же твой гость, как и все...

— Демон! — выкрикнул кто-то.

Несколько человек вылетели из трактира, как перепуганные зайцы. Другие замерли на своих местах, словно перед хищным зверем.

— Это же он! — завопил, указывая на гостя дрожащим пальцем, какой-то старик. — ОН! Он нас всех заколдует! Перебьет к хуям!

Лицо гостя перекосила ухмылка. Он откинулся на спинку стула и заложил руки за голову, с любопытством рассматривая старика:

— Как интересно — чем дальше на север, тем больше народ меня боится. Кажется, люди тут охотнее склоняются к Яну Хроусту, нежели к его величеству...

Он умолк: подавальщица, которая несла пиво ему на подносе, вдруг запуталась в юбках и упала к его но-

гам. Пиво выплеснулось на сапоги из кожи какой-то невиданной твари и забрызгало края черного как ночь плаща. От ужаса и стыда девушка, кажется, потеряла дар речи и прижала к голове руки, словно ожидая расплаты.

— Шарка, — простонал трактирщик тоном человека, готового принять смерть.

Однако гость взял Шарку под руку и аккуратно помог ей подняться. Она по-прежнему прятала лицо в ладонях, но гость лишь мягко отодвинул ее, поднял с пола кружку, в которой еще оставалось немного пивной пены, и втянул ее губами. Шарка вздрогнула и убежала прочь.

— К Яну Хроусту мы никакого отношения не имеем, — как ни в чем не бывало продолжил старик, — но все знают, что *ты* такое! И что твои руки по локоть в крови и дерьме...

— Заткнись, заткнись! — встрепенулся, как после дремы, Дивочак, замахиваясь на непокорного деда тряпкой. — Ох, я тебя отделаю, старый ты идиот!

— Идиот здесь только тот, кто не подумал то же, что и он, — перебил галдеж гость и повернулся ко второй подавальщице: — Будь добра, принеси мне еще пива.

— Тебе все это отзовется, Чак! — скрипел старик, уже стоя в дверном проеме. — Если ты думаешь, что можешь вот так за здрастье принимать таких, как Свортек...

— Вон отсюда! — проревел трактирщик, схватил со стола тяжелый подсвечник и бросил его в старика. Тот успел увернуться, смачно харкнул на пол трактира и захлопнул за собой дверь.

Дивочак обратил к гостю красное лицо:

— Мой пан...

— Мне плевать, — перебил его Свортек. — Просто принесите мне ужин. И хватит на меня тарашиться. Я всего лишь хочу посидеть в тепле в... — он пробормотал себе под нос что-то, чего никто не слышал.

Мало-помалу остальные перестали смотреть на него, а через полчаса, кажется, о Свортеке и вовсе забыли.

Музыканты разыгрались в полную силу. Близилась ночь, а значит, смех становился все громче, в трактире было все теснее и жарче, в глазах рябило от ярких юбок, которые нацепили на себя местные шляхи. Многие из новоприбывших отчаянно вытягивали шею, чтобы увидеть знаменитость, которая предпочла своему военному лагерю «Хмельного Кабанчика». Страх испарился — на смену ему пришли благоговение, гордость, что довелось увидеть такого человека, и зависть к его облачению, стоившему дороже, чем весь «Кабанчик».

Трактирщик не сводил глаз со Свортека, прислушиваясь к толпе, чтобы никто не брякнул чего лишнего. Но сам Свортек ни на что не обращал внимания — лишь его нога изредка подрагивала в такт очередной песенке. На столе перед ним сменилось множество мисок и тарелок: он решил попробовать все, что было в трактире, и без спешки переходил от блюда к блюду, не съедая и трети.

Дивочак хмурился. Великими кулинарными изысками его заведение не славилось. Да и пивом тоже. Да и музыка была так себе. Да и шляхи...

— Эй, хозяин, — позвал вдруг Свортек, выбрав тот самый момент, когда Дивочак отвлекся на свои мысли.

— Да, мой пан?

Свортек зашептал трактирщику на ухо. В ответ Дивочак вскинул кустистые брови. Кажется, он даже собирался возразить, но, еще раз взглянув на лицо, похожее на обтянутый кожей череп, прикусил язык и отправился исполнять просьбу.

Когда трактирщик вернулся, Свортек уже отставил кружки и тарелки и смотрел на пляшущих людей.

— Она скоро приготовится, мой пан, вы не будете разочарованы...

Свортек равнодушно махнул рукой, заставляя хозяйина замолчать.

— Чему они радуются? — неожиданно спросил он. — Что заставляет их петь, плясать, нести чушь, лапять девиц, рожать детей? Я так и не понял и уйду, не поняв. Вот того старика, который верещал, что я вас заколдую, я понимаю прекрасно. А это?

«Это еще что за задачка? — растерялся Дивочак. — Что он хочет от меня услышать?»

— Э-э-э...

— «Э-э-э», — передразнил Свортек и вздохнул. — Жрачка твоя, Дивочак, не то чтобы плоха, но для последнего ужина точно не годится. Ты уж постарайся в следующий раз. И поскольку ты всю свою жизнь проторчал здесь, потрудись найти ответ на такой простой вопрос.

— Да, мой...

— Иначе, — перебил Свортек, резко вставая с места и понижая голос до вкрадчивого шепота, — я вернусь и... превращу тебя...

Музыка мигом стихла. Все взгляды метнулись к белому как простыня трактирщику, который не смел пошевелиться, и пану, который нависал над ним как коршун с дикой гримасой на лице. Тишина длилась долго, никто не двигался; казалось, даже мухи не ре-

шались подняться в воздух со столешницы, ожидая страшной развязки.

— В пс-с-с-сину...

Свортек разогнулся и издал что-то вроде сдавленного лая. Не сразу гости поняли, что так он смеется.

— Прости, Дивочак, — прохрипел Свортек, успокоившись, — с шутками у меня не очень.

Дивочак ответил ему самым громким смехом, на какой был способен. Коленки его тряслись еще долго.

Свортек вошел в «те самые покои» и присел на край широкой кровати, стараясь не думать, сколько всего здесь происходило за историю трактира. Стены комнаты были когда-то выкрашены в красный, который в свете тусклых ламп больше походил на цвет весенней грязи. Застиранное, кое-где перештопанное белье в рюшах громко заявляло о своем жизненном опыте. На столике рядом с кроватью лежала толстая книга в недурном кожаном переплете. Свортек пролистал ее: каждая страница была проиллюстрирована самыми непотребными, похабными картинками, какие только можно себе представить. Отложив книгу, он встал и вымыл руки с мылом в тазу.

Раздался робкий стук в дверь.

— Входи, — отозвался Свортек.

Она вошла на цыпочках, вжав голову в плечи и не поднимая глаз, словно боялась разбудить спящего. При этом вид ее был далек от скромного: полная грудь едва не вываливалась из выреза рубашки, а лицо покрывал такой толстый слой румян и белил, что Свортек не сразу ее узнал. На голове красовалось невообразимо высокое сооружение, напоминавшее запутавшегося в сене петуха. Свортек хмыкнул:

— Я попросил его, чтобы ты была просто умыта. Но хозяин, видимо, оч-чень старательный человек...

Он осекся на полуслове: со стороны старого платяного шкафа в углу комнаты вдруг раздался шорох. Девушка дернулась туда, но застыла, не решаясь приблизиться к гостю без разрешения.

— Что это? — резко спросил Свортек. — Крыса? Или...

— Мой пан... — только и сумела выдавить она, с ужасом глядя на шкаф.

Свортек рассеянно усмехнулся какой-то своей мысли, подошел к шкафу и дернул на себя дверцу. Там сидел, вытаращив от страха глаза, тощий кудрявый мальчик лет девяти с кухонным ножом в руках.

— Что происходит? — прорычал Свортек, выволакивая мальчишку за плечо. Тот в ответ не проронил ни звука и обмяк в руках пана, как тряпка; нож выпал из его руки. — Меня? Кухонным ножом? Им больше некого было послать?!

— Мой пан! — Девушка бросилась между Свортеком и мальчиком на колени. — Это Дэйн, мой брат! Простите его, он не понимал, что творит! Он всегда так делает...

Свортек выдохнул. Затем поставил мальчика перед собой на ноги и недоуменно уставился в его чумазое лицо. По щекам Дэйна катились слезы, но он смело, изо всех сил старался не отводить взгляда от колючих глаз пана.

— То есть никто тебя за мной не посылал? — тихо спросил Свортек. — Ответь мне, мальчик, а я пойму, лжешь ты или...

— Он немой, мой пан, — снова вмешалась девушка. Край плаща Свортека вдруг оказался в ее руках — она тянула его на себя, пытаясь отвлечь чужака

от брата. — Но я клянусь вам, его никто не посылал! Он лишь хотел проследить, чтобы мне не причинили вреда.

— Вот как.

Свортек выдернул плащ из ее рук. Он все еще тяжело дышал.

— Не думаю, что твои гости были бы рады обнаружить, что за их шалостями следит какой-то малец из шкафа, — хихикнул он без веселья. — Да и самому-то не стыдно подглядывать за сестрой на *такой* работе? Фу!

— Он болван, — горячо прошептала девушка, — я его высеку. Я ему столько раз говорила, что все уже хорошо и никогда больше не повторится, как в тот раз... но он все равно...

— Пошел вон, — устало приказал Свортек и опустился на край кровати.

Девушка и мальчик быстро поговорили без слов: она беззвучно рычала, дико выпучив на него глаза, он — капризно морщился, пытаясь показать что-то жестами. Наконец она отвесила ему подзатыльник и выдворила за дверь.

— Я был так вежлив с тобой, когда ты разлила пиво на мою любимую обувь, — подал голос Свортек. — Шарка...

— Мой пан, это у него в голове засело, — неловко объясняла она. Заплетающийся от стыда язык едва складывал звуки в слова. — Я бы никогда... Просто... С тех пор как наша мать...

Шарка окончательно запуталась в том, что пыталась сказать, и умолкла, уткнув подбородок в плечо. Свортек встал прямо перед ней — так близко, что она ощутила его дыхание. Впервые в ее жизни от клиента пахло не пивом, не луком, не потом.

Но и не так, как пахло от нее самой. Не так, как должен пахнуть человек, даже если он чисто вымыт с мылом. От Свортека пахло костром и холодным подземельем одновременно...

— Сними это убожество. — Он кивнул на пышные юбки, подвязанные спереди так, чтобы обнажить бедра.

Шарка принялась распутывать перевязь под грудью, затем стащила с себя юбки. В ее движениях стыда больше не было — она раздевалась легко, с ловкостью опытной шлюхи, хотя Свортек не дал бы ей больше семнадцати лет. Когда она осталась в исподнем, он остановил ее жестом и спросил:

— Вы сироты, верно?

— Да.

— Что стало с вашими родителями?

— С отцами — не знаем, их никогда не было.

А мама, она...

Пока Шарка говорила, Свортек взял в руки ковш с водой и тряпицу и, макая ткань в воду, стал стирать с ее лица румяна.

— Мама не была как я, она просто работала тут, — едва слышно лепетала Шарка, чувствуя, как с ее бровей вытирают темно-коричневый уголь. — И был один мужчина, который к ней ходил, но он был женат, а она... Она так не хотела, пыталась его уговорить перестать. Мама была слишком... всегда лезла на рожон, кричала, со всеми спорила...

— Не то, что ты.

— Однажды она рассердила его. — Шарка не нашла, что ответить на слова Свортека. — И он пришел. Буйный. С топором. Дивочака не было тогда, никого здесь не было, только мы убрали трактир вечером, и...

Договорить Свортек ей не дал: он принялся медленно стирать помаду. Мокрая тряпка елозила по приоткрытым пухлым губам, размазывая сбившуюся в комки ярко-красную жижу. Бросив тряпку на пол и отставив ковш, он прикоснулся ко рту девушки кончиками длинных пальцев.

— Как грустно, — прошелестел он. Его рука нехотя переползла от губ по щеке, затем на шею, с нее — на затылок и начала расправляться с прической. — Быть одной против целого света. Хорошо, что ты не одна. Твой брат болван, но храбрый болван. Цени это.

Шарка пожала плечами — и на них тут же упала волна густых волос, освобожденных от заколок и шпилек. Свортек погрузил обе руки в тяжелую копну, чуть сжал и зажмурился.

— Ну, спроси меня. — Глаза его все еще были закрыты, руки блуждали по ее затылку. — Я же вижу, тебя распирает от любопытства. И страха...

— Что вы, мой пан, я ничего не...

— Я не причиню тебе вреда.

Она впервые прямо подняла на него глаза — всего на мгновение, чтобы сразу их отвести, — но, собрав всю свою храбрость, выпалила:

— Вы действительно кьенгар, последний из всех кьенгаров на свете?

Свортек убрал руки от головы девушки. Он помедлил с ответом, снимая тяжелый плащ, затем стаскивая с себя камзол, тоже черный, без вышивки и украшений, и расстегивая жемчужные пуговицы рубашки. Потом вытянул из штанов ремень, скрутил и небрежно скинул на гору своей одежды. Весь его худой торс и длинные руки покрывали татуировки — символы, узоры и звери, каких Шар-

